

ДАМАСКИНЪ СЕМЕНОВЪ-РУДНЕВЪ, ЕПИСКОПЪ НИЖЕГОРОДСКІЙ.

(Къ столѣтію со дня его кончины 1795 $\frac{18}{\text{декабри}}$ 1895 г.)

Жизнь преосвященнаго Дамаскина во многомъ напоминаетъ жизнь Ломоносова.

Преосвященный Дамаскинъ (въ мірѣ Димитрій) былъ сынъ сельскаго священника Тульской, а по тогдашнему дѣленію Московской епархіи и родился въ 1737 году, въ одномъ году съ митрополитомъ Московскимъ Платономъ (Левшинъ). Послѣ первоначальнаго обученія у своего отца, онъ въ 1750 или 1752 году поступилъ въ Московскую Славяно-греко-латинскую Академію, гдѣ уже учился Петръ Левшинъ, впоследствии митрополитъ Платонъ. Между обоими сверстниками завязались и установились тѣсныя дружескія отношенія, которыя продолжались и впоследствии. Въ Академіи Димитрій пробылъ до 1761 года, въ которомъ кончилъ курсъ въ ней, на 24 году отъ рожденія. Въ Академіи же къ прежней его фамиліи Семенова была прибавлена другая фамилія—Рудневъ.

Какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ Академіи, Семеновъ былъ опредѣленъ учителемъ въ крутицкую семинарію, находившуюся въ то время въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ; а такъ какъ семинарія въ это время не имѣла ни ректора, ни префекта, то Семенову было поручено и самое управленіе ею.

Но именно въ это же время возникъ проэктъ объ учрежде-

ни въ Москвѣ особаго богословскаго университета или богословскаго факультета при Академіи. А чтобы приготовить для этого факультета достаточное количество достойныхъ учителей, рѣшено было набрать въ духовныхъ семинаріяхъ десять лучшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ въ реторики, слѣдовательно, отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ (и лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда «усмотрится особливая острота и къ наукамъ охота», дозволялось выбирать и изъ двадцатилѣтнихъ), при двухъ инспекторахъ, и послать ихъ, для изученія высшихъ наукъ, въ Англію, въ университеты Оксфордскій и Кембриджскій.

Узнавъ объ этомъ вызовѣ желающихъ продолжать образованіе за-границей, Семеновъ, несмотря на то, что ему было въ то время уже 28 лѣтъ, тотчасъ-же (въ іюлѣ 1765 года) отправился въ Петербургъ и, явившись въ Св. Синодъ, сталъ усиленно просить объ отправленіи и его за-границу. Ходатайство его увѣнчалось успѣхомъ, и онъ былъ, въ качествѣ инспектора, въ іюнѣ или іюлѣ 1766 года отправленъ съ четырьмя студентами въ Геттингенъ *).

Геттингенскій университетъ, основанный въ 1734—37 гг. владѣльцемъ Ганновера англійскимъ королемъ Георгомъ II, находился, благодаря заботамъ своего основателя, въ особенно благопріятныхъ для научныхъ занятій условіяхъ (къ числу такихъ условій относилась, между прочимъ, богатая бібліотека со множествомъ ученыхъ пособій) и славился въ то время именами знаменитыхъ префессоровъ: Михаэлиса

*) Первоначальный проектъ объ отправленіи русскихъ студентовъ только въ англійскіе университеты былъ въ послѣдствіи почему-то измѣненъ, и студенты, которыхъ ктати же набралось болѣе десяти (явилось нѣсколько охотниковъ, которыхъ императрица разрѣшила также отправить за-границу), отправлены были въ три различныхъ мѣста: въ Оксфордъ (Англія), Лейденъ (Голландія) и Геттингенъ (Ганноверъ). Замѣчательно, что и кругъ наукъ, которыя имъ было назначено выслушать за-границей, былъ преимущественно свѣтскаго характера: богословіе было поставлено тамъ только наряду съ прочими предметами. Вѣроятно правительство хотѣло приготовить изъ этихъ студентовъ не только богослововъ, но и вообще ученыхъ людей.

(древніе языки и толкованіе Свящ. Писанія), Гаттерера (исторія) и др. Семеновъ провелъ здѣсь шесть лѣтъ—съ 1766 до 1772 года. Кругъ наукъ, выслушанныхъ имъ здѣсь, былъ весьма обширенъ и разнообразенъ: болѣе пятнадцати предметовъ и шесть или семь языковъ. О занятіяхъ его здѣсь имѣются единодушныя и похвальные отзывы всѣхъ профессоровъ, лекціи которыхъ онъ посѣщаль. Такъ профессоръ Гейманъ (Гельманъ) писалъ о немъ, что «благороднѣйшій и ученѣйшій руссійскій мужъ Димитрій Семеновъ моему натуральной философіи толкованію толь прилежно внималь, что ничего не оставилъ, что примѣчанія достойнымъ быть казалось, а тщаніемъ и вниманіемъ прочимъ своимъ сотоварищамъ къ подражанію примѣръ похвалы достойный показалъ; сверхъ того вездѣ честность и постоянство толь усердно наблюдалъ, что и въ семъ случаѣ похвалы достойнымъ и прочимъ примѣромъ быть можетъ». Профессоръ Лессе: «Мужъ, ученіемъ и честными нравами нашихъ превосходящій Димитрій Семеновъ (когого обхожденіемъ и дружествомъ я весьма доволенъ), число моихъ учениковъ умножать изволилъ. Ибо, приходя на мои лекціи, слушалъ какъ моральнаго, такъ и догматы изясняющаго ученія; особливо о томъ неуспынное прилагаль стараніе, чрезъ что истинное христіанское благочестіе ясно представлялося; о чемъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ свидѣтельствую, чѣмъ паче особливѣйшая его къ ученію ревность, неуспынное прилежаніе и благонравіе мнѣ пріятнѣйшими были». Профессоръ Муррай писалъ, что «если русскіе студенты и впредь такъ же усердно будутъ продолжать свое ученіе, то, конечно, нашему университету честь сдѣлають. Инспекторъ ихъ г. Семеновъ заслуживаетъ особливую похвалу, что онъ имъ во всемъ примѣромъ служить и чрезъ то больше утвердилъ хорошее мнѣніе, которое объ немъ имѣли». Профессоръ Михаэлисъ писалъ о Семеновѣ, что онъ занимался «съ похвальнымъ остроуміемъ и прилежаніемъ». — «По справедливости сказать, писалъ профессоръ Гаттереръ, г. Семеновъ не имѣлъ бы нужды ни въ какомъ аттестатѣ. Его ученость, его хорошій характеръ,

его добрые нравы служить ему больше, нежели всѣ посторонніе аттестаты. Всегда смотрѣлъ я съ сердечнымъ увлеченіемъ на его прилежность въ предлагаемой мною универсальной исторіи и дипломатикѣ... его праводушное сердце и чрезвычайную ревность къ большому распространенію своего къ намъ съ собою уже изъ Петербурга привезеннаго званія. Во время частнаго съ нимъ обхожденія *имѣлъ я случай и самъ отъ него узнать во многомъ*... Таковы же были отзывы о Семеновѣ и другихъ профессоровъ.

Что касается поведенія Семенова въ Геттингенѣ, то и съ этой стороны мы имѣемъ о немъ самыя лучшіе отзывы. Такъ по отзыву профессора Муррая, надзору котораго ввѣрены были русскіе студенты въ Геттингенѣ, Семеновъ своимъ примѣрнымъ поведеніемъ дѣлалъ истинную честь Геттингенскому университету. Онъ же писалъ о Семеновѣ, что «онъ имѣлъ честь, у насъ будучи, заслужить какъ славу прилежнаго, способнаго и благоразсуднаго человѣка, такъ и почтеніе къ себѣ, и дружество самыхъ знатныхъ и славныхъ учителей. Я съ твердою надеждою уповаю, прибавлялъ онъ, что онъ полезными своими и вѣрными услугами, кои отечеству своему покажетъ, также и основательно учеными своими сочиненіями помянутую славу всенепремѣнно сохранить». Профессоръ проректоръ Питтеръ также удостоивалъ, что Семеновъ жилъ въ Геттингенѣ «такъ честно и препохвально, что всѣмъ добрымъ былъ пріятель и никому никакой досады не учинилъ» *). Нужно замѣтить, впрочемъ, что университетская жизнь въ Геттингенѣ за это время и вообще имѣла много хорошихъ сторонъ. «Всякое уклоненіе отъ требованій нравственности, всякій преступокъ, несогласный съ достоинствомъ ученой корпораціи, строго преслѣдовался уставомъ и отдѣльными законоположеніями. Участникамъ въ дуэляхъ грозило беспощадное наказаніе... Главнѣй-

---

*) Отзывы объ успѣхахъ и поведеніи Семенова—у Горожанскаго стр. 60—62, 70, у Сухомлинова въ „Исторіи Россійской Академіи“ стр. 144—146, 154.

шимъ условіемъ пребыванія въ университетѣ поставлялось прилежаніе, любовь къ труду и научнымъ занятіямъ. Члены ученаго сословія съ гордостью говорили, что трудолюбіе и прилежаніе составляютъ отличительную черту Геттингенскихъ профессоровъ и студентовъ. Дорожа этимъ отличіемъ, университетъ не терпѣлъ въ средѣ учащейся молодежи такихъ лицъ, о которыхъ было доказано, что они не посѣщаютъ лекцій, не пользуются библіотекой и не занимаются въ находящихся при университетѣ научныхъ учрежденіяхъ. По какому бы поводу студентъ ни являлся передъ университетскимъ судомъ, первый вопросъ былъ о степени прилежанія, и если оказывалось, что подсудимый не отличался прилежаніемъ, то это неизбѣжно влекло къ большей мѣрѣ наказанія, а иногда даже и къ удаленію изъ университета» *).

Что похвалы Семенову со стороны геттингенскихъ профессоровъ не были преувеличены, это доказываютъ ученые работы Семенова въ Геттингенѣ. Такъ, онъ перевелъ здѣсь для профессора Гаттерера часть Несторовой Лѣтописи (отрывки изъ этого перевода были изданы Гаттереромъ), издалъ въ первый разъ на латинскомъ языкѣ трактатъ Теофана Прокоповича «De processione Spiritus Sancti» (четвертый изъ семи трактатовъ, составляющихъ незаконченную богословскую систему Теофана Прокоповича, читанную имъ въ бытность его ректоромъ въ Кіевской Академіи), посвятивъ его архіепископу Московскому Амвросію. Въ этомъ трактатѣ имъ была вновь написана въ духѣ Теофана вся 16-я глава (всѣхъ главъ въ этомъ трактатѣ 20), предисловіе, окончаніе, хронологическій и ученый указатель за цѣлый рядъ столѣтій авторовъ, писавшихъ объ исхожденіи Св. Духа и многочисленныя примѣчанія; кромѣ того, многія мѣста трактата пересмотрѣны и исправлены. Работа эта была исполнена Семеновымъ при помощи «богатѣйшей университетской библіотеки и совѣтовъ ученѣйшихъ мужей». Кромѣ того,

---

*) Сухомлиновъ, стр. 153—154.

Семеновъ перевелъ на латинскій языкъ (и издалъ впоследствии—въ 1774 г. въ Петербургѣ) Богословіе или «Православное Ученіе» архіепископа (впоследствии митрополита) Платона, составившееся изъ уроковъ его великому князю Павлу Петровичу. За диссертацию «О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ» Семеновъ былъ даже избранъ въ члены Геттингенскаго института историческихъ наукъ.

Въ апрѣлѣ 1773 года, послѣ почти шестилѣтняго пребыванія за-границей, Семеновъ съ двумя студентами (Розановымъ и Андреевскимъ) возвратился въ Петербургъ и представилъ въ учрежденную при Академіи Наукъ комиссію отчетъ о своихъ занятіяхъ въ Геттингенѣ. Вскорѣ Семенову и пріѣхавшимъ съ нимъ студентамъ былъ произведенъ въ Невскомъ монастырѣ, въ присутствіи архіепископа Новгородскаго и С.-Петербургскаго Гавріила, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, упомянутою комиссіею экзамень. Испытательная комиссія дала о Семеновѣ очень хорошій отзывъ, и Семеновъ, хотя и не сразу, былъ сдѣланъ профессоромъ словесныхъ наукъ и церковной исторіи съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ, а въ ожиданіи открытія при Московской Академіи богословскаго факультета, былъ помѣщенъ въ Невскомъ монастырѣ и находился въ распоряженіи С.-Петербургскаго преосвященнаго. Но проэктъ богословскаго факультета не получилъ осуществленія, и Семеновъ, проживъ годъ въ Петербургѣ, въ концѣ 1774 года былъ посланъ профессоромъ въ Московскую Академію. Въ слѣдующемъ году онъ былъ сдѣланъ префектомъ Академіи и профессоромъ философіи въ ней и въ томъ же году принялъ монашество съ именемъ Дамаскина. Въ 1778 году Дамаскинъ былъ уже ректоромъ Академіи и профессоромъ богословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и архимандритомъ Богоявленскаго монастыря. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ членомъ Московской синодальной конторы, а въ 1780 году и цензоромъ духовныхъ книгъ.

Сдѣлавшись ректоромъ Академіи, Дамаскинъ обратилъ

свое вниманіе на обновленіе и освѣженіе преподаванія въ ней, въ особенности по философіи, а по воскреснымъ днямъ началъ изъяснять въ богословской аудиторіи Свящ. Писаніе. Эти чтенія, на которыя собиралось много народу, создали ему извѣстность и даже славу въ Москвѣ. Академическая библіотека также составляла предметъ вниманія Дамаскина. Онъ заботился и о приведеніи въ порядокъ и объ увеличеніи библіотеки. Такъ въ 1776 году куплено было для библіотеки книгъ на 38 р., въ 1777 году уже на 125 р. и на такую же сумму и въ 1778 году. Но особенную любовь питалъ Дамаскинъ къ торжественнымъ собраніямъ и ученымъ диспутамъ, которые и устраивалъ преимущественно въ концѣ учебнаго года. На этихъ собраніяхъ происходили, между прочимъ, разговоры и разсужденія на разныхъ языкахъ, древнихъ и новыхъ, читались стихи и рѣчи и пѣлись соотвѣтственныя случаю пѣсни. Въ 1778 году Дамаскинъ сдѣлалъ весьма ученое и полное изданіе сочиненій Ломоносова (въ трехъ томахъ), посвященное имъ Вольному Россійскому Собранію при Московскомъ университетѣ. За это изданіе онъ получилъ отъ императрицы 500 р. Затѣмъ, вмѣстѣ съ префектомъ Академіи іеромонахомъ Амвросіемъ (Серебряковымъ, впослѣдствіи архіепископомъ Екатеринославскимъ) Дамаскинъ предпринялъ изданіе проповѣдей и др. сочиненій архіепископа Московскаго Платона. Изданіе это было посвящено императрицѣ, а доходъ отъ него обращенъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ Академіи. Дамаскинъ, впрочемъ, успѣлъ напечатать только 12 томовъ этого изданія; остальные 8 были напечатаны въ Московской Академіи уже по выходѣ изъ нея Дамаскина.

Въ 1782 году Дамаскинъ былъ назначенъ епископомъ Сѣвскимъ. Епархія Сѣвская, нынѣ уничтоженная, была учреждена въ 1764 году, какъ викаріатство Московской епархій, но на дѣлѣ мало отъ нея зависѣла. Она была раскинута на пространствѣ нѣсколькихъ губерній (Орловской, Курской, Калужской, Смоленской и Тульской) и была одною изъ многочислѣннѣйшихъ и обширнѣйшихъ епархій. Вслѣдствіе разбро-

санности и бѣдности населенія, она естественно не могла находиться въ сколько-нибудь благоустроенномъ видѣ: и церкви и духовенство были бѣдны; послѣднее, притомъ же, какъ и естественно было ожидать, было мало образованно (хотя въ епархіи существовала уже духовная семинарія съ двумя училищами, открытая предмѣстникомъ Дамаскина преосвящ. Амвросіемъ (Подобѣдовымъ) въ 1778—79 гг.), а религіозно-нравственное состояніе населенія было довольно печальное. Понятно, какъ много заботъ предстояло здѣсь преосвящ. Дамаскину. И онъ дѣйствительно ревностно принялся за благоустройство епархіи и особенное вниманіе обратилъ на семинарію, которую очень любилъ и часто посѣщаль, и въ которой, между прочимъ, также устраивалъ торжественные диспуты и собранія. Заботясь о поднятіи умственного и нравственного уровня духовенства, онъ напечаталъ и разослалъ по церквамъ благочинническія инструкціи, а также проповѣди митроп. Платона и нотные обиходы и самъ лично, заботясь о церковномъ благолѣпіи, экзаменовалъ въ чтеніи и пѣніи кандидатовъ на церковно-служительскія мѣста. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ улучшилъ и дѣлопроизводство въ консисторіи.

Но недолго, только одинъ годъ, управлялъ преосвященный Дамаскинъ Сѣвскою епархіею. Вскорѣ онъ былъ переведенъ на самостоятельную Нижегородскую епархію, которую управлялъ слишкомъ десять лѣтъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ ему была устроена торжественная встрѣча. Епархіа Нижегородская была точно также одною изъ обширнѣйшихъ, вдобавокъ она, можно сказать, была наполнена раскольниками и инородцами. Задачи и трудности преосвященному Дамаскину предстояли здѣсь еще большія, но онъ не отступилъ предъ ними и еще съ большею ревностію, чѣмъ въ Сѣвскѣ, началъ заботиться о благоустройствѣ епархіи. Главное и преимущественное вниманіе, онъ и здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, обратилъ на образованіе духовенства. Семинаріа была ветха и тѣсна; Дамаскинъ выпросилъ у правительства средства на починку и расширеніе семинарскаго зданія (а также и

на починку собора и архіерейскаго дома, тоже пришедшихъ въ ветхость). Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на изысканіе средствъ на содержаніе семинаріи, такъ какъ казеннаго оклада въ двѣ тысячи рублей на содержаніе семинаріи, имѣвшей 450 учениковъ, изъ которыхъ 100 было казенно-коштныхъ, да четырехъ духовныхъ гимназій съ 250-ю учениками, было, разумѣется, и по тогдашнему времени крайне недостаточно. Для привлеченія дѣтей духовенства въ семинарію Дамаскинъ употреблялъ иногда строгія и даже принудительныя мѣры, и ему удалось съ теченіемъ времени въ значительной степени поколебать обычное въ то время нерасположеніе духовенства къ духовнымъ школамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ расширилъ преподаваніе въ семинаріи, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ предметовъ, обязалъ слушателей философіи и богословія произносить въ семинарской церкви проповѣди своего сочиненія и не только учениковъ, но даже и учителей посылалъ обучаться въ Московскую Академію и въ Казань (въ послѣднюю—для изученія инородческихъ языковъ). Ёздившихъ учиться въ Казань онъ посылалъ миссіонерами къ инородцамъ, выхлопотавъ имъ по 50 р. жалованья въ годъ. Вслѣдствіе этихъ мѣръ, во время управленія Нижегородскою епархіею преосвящ. Дамаскина, было въ ней обращено въ христіанство столько инородцевъ, что изъ мордвы, чувашъ и черемисъ не осталось почти никого въ язычествѣ *). Большое вниманіе обращалъ преосвящ. Дамаскинъ и на семинарскую бібліотеку, которую обогатилъ многими книгами, пожертвовавъ въ нее немало и собственныхъ книгъ, между прочимъ и иностранныхъ, выписанныхъ имъ изъ-за границы. И здѣсь устраивалъ онъ торжественныя собранія и диспуты, на которыхъ напудренные парикмахеромъ семинаристы произносили рѣчи на нѣсколькихъ—древнихъ, новыхъ и инородческихъ языкахъ, вели диспуты, разговоры, читали стихи и пѣли канты. Слава объ этихъ собраніяхъ распространялась далеко, и память о нихъ долго

*) Макарій. Исторія Нижегородск. іерархіи, стр. 172—173.

жила въ Нижнемъ-Новгородѣ. А самъ Дамаскинъ на этихъ собраніяхъ и вообще въ семинаріи отдыхалъ отъ епархіальныхъ заботъ и дѣлъ.

Съ такою же ревностью заботился преосвящ. Дамаскинъ и о самомъ духовенствѣ, къ которому вообще былъ не только строгъ, но даже иногда и суровъ, хотя и справедливъ. И здѣсь онъ разсылалъ по церквамъ благочинническія инструкціи, проповѣди митроп. Платона и нотные обиходы, съ обязательствомъ выучивать эти послѣдніе, и самъ испытывалъ кандидатовъ на священно-и церковно-служительскія мѣста въ знаніи церковнаго чтенія и пѣнія. Нѣкоторые діаконы, освидѣтельствованные имъ самимъ въ искусствѣ пѣнія, посылались имъ въ разные округи епархіи для обученія церковно-служителей и дѣтей ихъ. Онъ ограничивалъ произволь церковныхъ старостъ и заботился объ обновленіи старыхъ и обветшавшихъ церквей. Въ отношеніи къ раскольникамъ, которыхъ было такъ много въ Нижегородской епархіи, онъ держался середины: онъ защищалъ отъ нихъ духовенство и православныхъ и старался не допускать съ ихъ стороны противозаконныхъ дѣйствій, но вообще относился къ нимъ довольно снисходительно, можетъ быть, подчиняясь господствовавшему тогда либеральнымъ взглядамъ на расколъ.

Въ 1783 году, при учрежденіи Россійской Академіи, Дамаскинъ тотчасъ же былъ избранъ членомъ ея и изрѣдка, когда приходилось ему быть въ Петербургѣ, принималъ участіе въ засѣданіяхъ и ученыхъ спорахъ ея.

Въ концѣ 1793 года, послѣ десятилѣтняго управленія Нижегородскою епархіею, Дамаскинъ внезапно подалъ императрицѣ въ Св. Синодъ прошенія объ увольненіи на покой. Причины такого рѣшенія съ его стороны не вполне выяснены біографами его. Въ прошеніи онъ указывалъ на свое болѣзненное состояніе, но преосвящ. Владиміръ, епископъ Нижегородскій, въ рецензій своей на книгу г. Горожанскаго, на основаніи подлиннаго дѣла Нижегородской духовной консисторіи, объясняетъ увольненіе Дамаскина инымъ образомъ, именно—несогласіями и непріятностями, возникшими, какъ

разъ въ это время у преосвящ. Дамаскина съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ екатерининскаго царствованія—бывшимъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, а въ указанное время кураторомъ Московскаго университета И. И. Мелиссино—непріятностями принявшими острый характеръ и значительные размѣры. Мелиссино, по жалобѣ прихожанъ, требовалъ удаленія изъ одного принадлежавшаго ему въ Нижегородской губерніи имѣнія священника, но Дамаскинъ назначилъ по этому дѣлу слѣдствіе и, когда выяснилось, что священникъ виноватъ далеко не въ такой степени, въ какой его обвиняли, не согласился вывести его изъ этого села *). Получивъ увольненіе съ пенсіей въ 800 р. въ годъ, Дамаскинъ поселился въ Московскомъ Покровскомъ убожedomскомъ монастырѣ, гдѣ вскорѣ и скончался (и погребенъ)—18-го декабря 1795 года, 58 лѣтъ отъ роду.

Мы говорили доселѣ о епархіальной дѣятельности преосвященнаго Дамаскина. Но онъ составилъ себѣ славу не какъ администраторъ, а какъ одинъ изъ ученѣйшихъ не только іерарховъ, но и вообще людей XVIII столѣтія въ Россіи. Мы уже упоминали о *главнѣйшихъ* его ученыхъ трудахъ въ Гёттингенскомъ университетѣ и объ ученомъ изданіи имъ сочиненій Ломоносова и митроп. Платона въ Московской Академіи. Обязанности и заботы епархіальнаго управленія оставляли ему мало времени для ученыхъ занятій. Тѣмъ не менѣе и здѣсь онъ не оставлялъ этихъ занятій совершенно. Такъ, по порученію императрицы Екатерины, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ, составленъ былъ въ Нижегородской семинаріи въ 1784—85 годахъ, для предполагавшагося къ изданію Всеобщаго Словаря всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нарѣчій, двухтомный (болѣе 1000 листовъ) пятиязычный словарь черемисскаго, татарскаго, чувашскаго и мордовскаго языковъ съ переводомъ на русскій языкъ и съ учеными предисловіями и матеріалами къ нему,

*) Извлеченіе изъ Протоколовъ Совѣта Кіевск. Дух. Академіи за 1894—95 уч. годъ, стр. 179—182.

подъ заглавіемъ: «Словарь языковъ разныхъ народовъ, въ Нижегородской епархіи обитающихъ: россіянъ, татаръ, чувашей, мордвы и черемисъ». Словарь этотъ вполнѣ не былъ напечатанъ; подлинная рукопись его хранится въ библиотекѣ Нижегородской духовной семинаріи. Кромѣ того, Дамаскинъ составилъ грамматику мордовскаго языка, но не успѣлъ издать ее.

Но самымъ капитальнымъ трудомъ преосвящ. Дамаскина была «Библиотека россійская или свѣдѣніе о всѣхъ книгахъ въ Россіи съ начала типографій на свѣтъ вышедшихъ по нынѣшнія времена» *) Трудъ этотъ начать былъ Дамаскинымъ еще въ бытность его въ Московской Академіи и продолжался до самой смерти (онъ доведенъ до 1795 г.). Любовь къ библиографическимъ занятіямъ Дамаскинъ получилъ еще въ Гёттингенѣ, занимаясь въ богатѣйшей тамошней библиотекѣ, и въ библиотекѣ Московской Академіи. «Библиотека россійская» представляетъ собою описаніе книгъ и отчасти рукописей съ 1518 по 1795 годъ, съ разнообразными замѣтками о содержаніи и особенностяхъ книгъ, сравненіями разныхъ изданій, съ выписками, иногда (изъ рѣдкихъ книгъ) довольно подробными, а также съ указаніями о мѣстѣ нахождения такихъ книгъ. Описанію книгъ предпослано весьма замѣчательное по тому времени введеніе или «Краткое описаніе россійской ученой исторіи» (то-есть исторіи литературы и библиографіи), заключающее въ себѣ краткую, но оригинальную и вѣрную исторію и характеристику русской литературы и просвѣщенія вообще до XVI столѣтія.

---

*) Подлинная рукопись „Библиотеки россійской“ въ трехъ томахъ, со множествомъ собственноручныхъ ученыхъ помѣтокъ Дамаскина, хранится въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи (рукописн. фундамент. библиотеки №№ 112—114). Первые листы этого сочиненія были напечатаны въ „Чтеніяхъ въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ“ за 1848 и 1891 годы. Затѣмъ, введеніе и описаніе книгъ по 1699 годъ (наиболѣе важная часть рукописи) были изданы Обществомъ древней письменности въ „Памятникахъ древн. письменн. и искусства“ за 1881 г. вып. XI.

Преосвящ. Дамаскинъ былъ и проповѣдникомъ и довольно усерднымъ *), но проповѣдничество не было его призваніемъ. Проповѣди его носили разсудочный характеръ и, хотя отличались современностью, но не могли увлекать слушателей.

Въ частной жизни преосвящ. Дамаскинъ отличался общительностью и даже веселостью и любилъ общество свѣтскихъ ученыхъ людей, что подавало поводъ къ неблагоприятнымъ для него толкамъ, которые въ свою очередь были, какъ кажется, одною изъ причинъ охлажденія къ нему императрицы, ранѣе къ нему расположенной. Но при всей своей любви къ наукѣ, чуждый всякой узкости взглядовъ, Дамаскинъ былъ, тѣмъ не менѣе, строго-православный человекъ и не терпѣлъ никакого религіознаго вольномыслія. Энциклопедически образованный, искренній и горячій ревнитель духовнаго просвѣщенія, преосвящ. Дамаскинъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые служатъ украшеніемъ своего времени.

Н. Колосовъ.

---

*) Первый томъ его проповѣдей былъ изданъ Новиковымъ въ Москвѣ въ 1783 году. Дамаскинъ былъ приготовленъ къ печати и второй томъ, но не былъ напечатанъ.